

УДК 348: 26/28:

DOI: 10.24412/2713-1033-2023-4-07-22

А. А. Сычев

Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н.П. Огарева,
Саранск, Россия, e-mail: sychevaa@mail.ru

Е. А. Коваль

Средне-Волжский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский
государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»,
Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарева,
Саранск, Россия, e-mail: nwifesc@yandex.ru

Н. В. Жадунова

Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарева,
Саранск, Россия, e-mail: zhadunovan@mail.ru

ПРИНЦИПЫ КАНОНИЧЕСКОГО ПРАВА: ОПЫТ СИСТЕМАТИЗАЦИИ

Статья представляет собой опыт систематизации принципов канонического права. Актуальность подобной систематизации обусловлена тем, что при применении древних норм к современным реалиям необходимо понимание «духа» канонов, адекватным выражением которого и является система принципов канонического права. В большинстве отраслевых правовых кодексов специально выделяются принципы как нормы общего характера, однако в каноническом праве такой дифференциации норм нет. Тем не менее, это не значит, что и в его основании не лежит определенная система взаимосвязанных принципов. Целью исследования является экспликация и классификация этих принципов (на примере православия). Базовым основанием для классификации является преимущественное использование принципов в процессах нормотворчества либо нормоприменения. Методология исследования базируется на системном подходе, основные методы – сравнительный и герменевтический. Материалом исследования послужил канонический корпус православной церкви. В результате исследования описана система принципов канонического права, включающая в себя общеправовые, религиозно-нравственные, нормотворческие, нормоприменительные принципы.

Ключевые слова: канон, принцип, норма, каноническое право, нормотворчество, нормоприменение, принципы права, религиозные и моральные принципы, система

Благодарность: Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 21-011-44239).

A. A. Sychev

National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia, e-mail: sychevaa@mail.ru

E. A. Koval

Mid-Volga Institute (branch) «The All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia)»,
National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia, e-mail: nwifesc@yandex.ru

N. V. Zhadunova

National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia, e-mail: zhadunovan@mail.ru

PRINCIPLES OF CANON LAW: AN ATTEMPT OF SYSTEMATIZATION

The article is an attempt to systematize the principles of canon law. The study of these principles seems important, since the application of ancient norms to modern realities requires an understanding of the “spirit” of the canons, the expression of which is the system of principles. If in most sectoral legal codes principles are singled out separately as norms of a general nature, then in canon law there is no such differentiation of norms. However, this does not mean that it does not contain a system of principles. The purpose of the study is the explication and classification of the principles characteristic of canon law (on the example of Orthodoxy). The basis for classification is the predominant use of principles in the processes of norm setting or norm application. The research methodology is based on a systematic approach, hermeneutic and comparative methods are used. The material of the study is the canonical corpus of the Orthodox Church. As a result of the study, the system of principles of canon law is described, which includes general legal, religious and moral principles, canonic principles of norm setting and norm application.

Keywords: canon, principle, norm, canon law, norm-setting, norm application, legal principles, religious and moral principles, system

Acknowledgments: The study was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research (grant no. 21-011-44239).

Введение

С точки зрения современного православия древние каноны, созданные в эпоху Вселенских соборов, и сегодня в полной мере сохраняют актуальность и значимость. Однако их буквальное применение ко многим ситуациям

современности неочевидно или невозможно, поскольку они создавались для регуляции общественных отношений, принципиально отличающихся от существующих. Канонический корпус православной церкви не содержит норм для решения отдельных вопросов (суррогатное материнство, защита прав личности, применение информационных технологий), некоторые нормы не применяются в новых социокультурных условиях (например, 82-е апостольское правило, запрещающее рукоположение рабов без согласия хозяина; 11-е правило Трулльского собора, запрещающее мытье в бане с евреями и др.). Наконец, формальное применение древних канонов в жизни современной церкви в некоторых случаях может повлечь за собой негативные последствия для сообщества верующих. Так, согласно 80-му правилу VI Вселенского собора, «если священнослужитель или мирянин без уважительной причины не посещает храм три воскресения подряд, то клирик извергается, а мирянин отлучается» (Трул., 80). Сегодня, когда верующие стали реже посещать храмы, буквальное применение этого дисциплинарного правила может привести к существенному сокращению количества прихожан.

В подобных случаях правоприменителю предписывается руководствоваться «духом» канонов, формализованным выражением которого является система общих принципов канонического права. Однако, в отличие от большинства собственно правовых кодексов, в которых выделяются и отдельно описываются принципы как нормы общего характера, выражающие дух закона, в каноническом праве подобная дифференциация норм в явном виде не представлена. Тем не менее, это не значит, что и в его основании не лежит определенная система взаимосвязанных принципов.

Под принципом применительно к рассматриваемой проблеме мы понимаем общую норму, которая может служить основанием для выведения и применения конкретных норм (например, в качестве общего для множества норм всей системы права можно рассмотреть принцип справедливости).

Принципы права – это «исходные (базовые) нормативно-правовые требования (императивы, субимперативы), легально выраженные в законах и иных формах права, которые обеспечивают высокое качество и эффективность правового регулирования общественных отношений, разнообразных типов юридической практики» [Карташов, 2020: 159]. Принципы права можно классифицировать по разным основаниям: общеправовые и отраслевые, закрепленные в законе, выведенные из содержания и смысла законодательства или из юридической практики и т.д.

Наконец, принципы канонического права можно рассматривать как общие нормы, объединяющие в себе правовую, религиозную и моральную нормативность, содержащиеся в каноническом корпусе и других нормативных церковных документах. Они необходимы для решения трех взаимосвязанных задач: дисциплинарного регулирования жизни церкви (правовая нормативность), нравственного совершенствования человека и общества (моральная нормативность) и достижения спасения (религиозная нормативность).

Фактически каноническое право сочетает в себе различные типы социальной нормативности (этот синкретизм часто отмечается исследователями канонического права [Величко, 2022]). Сложность структуры канонического права, определяющая особое его место в ряду нормативных регуляторов, является одной из причин того, что вопросы классификации и систематизации принципов в каноническом праве остаются недостаточно разработанными. В то же время, как отмечает Н. Доу, «формулирование принципов канонического права – определение, уточнение, уяснение или перечисление представляет собой реальный вызов (возможно, даже обязанность) для любого современного исследователя канонов» [Дое, 1999: 239-240].

В последнее время интерес к изучению принципов церковного права значительно возрос [Оспенников, 2023]. В частности, предпринимаются попытки сопоставления принципов церковного и светского судопроизводства [Тарнакин, 2019], анализа отдельных принципов, таких как справедливость [Гайденоко, 2022], икономия [Пашков, 2011], акривия [Герасим (Дьячков), 2020], соборность [Кулага, 2018] и т.д. Тем не менее, существует необходимость в системных исследованиях принципов канонического права в целом.

Настоящая работа представляет собой опыт экспликации и первичной систематизации принципов канонического права, актуальных на текущий момент. Предметом исследования являются отдельные принципы канонического права: акривия, икономия, соборность, аналогия, неизменность и т.д. В качестве базового основания для систематизации выступают формы юридической деятельности (создание и реализация правовых норм). Предложенная система является открытой: она предполагает возможность дальнейших дополнений и упорядочения, в том числе с точки зрения других классификационных оснований.

К систематизации принципов канонического права

Принципы канонического права являются элементами сложной многоуровневой системы. Верхним ее уровнем являются *общеправовые принципы*, которые включены в любую правовую систему. К ним относятся принципы справедливости, законности, гуманизма, ответственности и др. Их содержание может быть исследовано путем анализа соответствующего контекста и правоприменительной практики.

В структуре канонического права, преломляясь через нормы Священного Писания, общеправовые принципы обретают специфику. Так, например, христианское понимание принципа справедливости раскрывается в евангельском положении: «Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки» (Мф 7:12). Принцип гуманизма может быть проиллюстрирован словами «Суббота для человека, а не человек для субботы» (Мк 2:27-28). Принцип законности может быть рассмотрен в контексте соотношения канонов и законов государства: если закон противоречит нормам божественного права (*jus divinum*), он не должен исполняться: «Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам» (Деян

5:29) и т.д. Для канонического права законность – это, в первую очередь, принцип реального действия норм канонического права в меняющихся историко-культурных контекстах. Это существенно отличается от светской интерпретации анализируемого принципа как верховенства закона.

Поскольку каноническое право выходит за пределы собственно юридического регулирования, общеправовые принципы в нем дополнены и откорректированы *нравственно-религиозными принципами*, отражающими ценностно-нормативные особенности христианского вероучения. Например, принцип справедливости дополняется принципом милосердия. Таким образом, каноны опираются на авторитет не только права, но и религиозной морали. При этом исполнение нравственно-религиозных принципов в случае конфликта имеет приоритет над буквой закона. Так, исследователь церковного права А.С. Павлов отмечает, что канонист Вальсамон в тех случаях, когда противоречие между канонами и законами оказывалось непримиримым, придерживался тезиса о том, что «законы должны уступать канонам, так как последние имеют двойную санкцию – от церковных соборов и от самих императоров, а первые – только от императоров» [Павлов, 1902: 96].

Поскольку общеправовые принципы достаточно подробно описаны в юридической литературе, а религиозно-нравственные – в философских и богословских трудах, в нашем исследовании мы концентрируемся на тех принципах, которые характерны именно для канонического права (хотя, несомненно, имеют свои аналоги и в других отраслях права). Основываясь на таком критерии систематизации, как создание и реализация правовых норм, мы выделяем *нормотворческие* и *нормоприменительные* принципы.

Хотя многие принципы канонического права могут быть использованы и в нормотворчестве, и в нормоприменении, их значение оказывается выше либо в процессе создания норм, либо в процессе их реализации. К первым относятся принципы соборности и непротиворечивости божественной воле. Ко второй группе – принципы икономии и акривии, аналогии, пропорциональности, толкования, разделенной ответственности, неизменности канонов и т.д.

Нормотворческие принципы канонического права

Принцип непротиворечивости божественной воле. Божественная воля является фундаментом системы канонического права. По словам протоиерея В. Цыпина, «... безусловно правомочны лишь те правила и нормы, изданные церковной властью, которые не только не противоречат Божественной воле, но и вытекают из нее» [Цыпин, 2009: 201].

Любая норма канонического права должна проверяться на непротиворечивость божественной воле, выраженной прежде всего в Священном Писании. По этой причине во многих древних канонах, а также в комментариях авторитетных канонистов присутствуют ссылки на Священное Писание. Так, например, в 25-ом правиле Святых Апостолов присутствует отсылка к тексту Ветхого Завета для обоснования общеправового принципа, запрещающего наказывать дважды за одно деяние: «Епископ, или пресвитер, или

диакон, в блудодеянии, или в клятвопреступлении, или в татьбе обличенный, да будет извержен от священного чина, но да не будет отлучен от общения церковного. Ибо писание глаголет: не отмстиши дважды за едино (Наум. 1:9). Также, и прочие причетники» (Апост., 29).

В православии древний канонический корпус считается важной частью Священного Предания, составляющего единство со Священным Писанием. Как отмечает В.Н. Лосский, «Предание и Писание нельзя противопоставлять, ни даже сопоставлять как две отличные друг от друга реальности», поскольку только «их нерасторжимое единство... дает полноту дарованному Церкви Откровению» [Лосский, 2006: 525]. Собственно, осознание этого единства и обусловило сохранение авторитета древних канонов до настоящего времени.

В католической традиции Священное Писание и Священное Предание разделены и дополняют друг друга как самостоятельные источники вероучения. В таком случае возникает вопрос о том, что из этих источников божественной воли является определяющим. Этот вопрос разрешается «благодаря апелляции к непогрешимому мнению папы, который может в любом случае безошибочно указать, как толковать Писание и какое Предание следует принимать» [Давыденков, 2017: 52-53].

Протестантизм для того, чтобы решить обозначенную дилемму, принципиально отказался от признания авторитета Священного Предания, в том числе от канонического права. Соответственно, принцип непротиворечивости божественной воле здесь раскрывается через принцип *Sola Scriptura*.

Таким образом, хотя принцип непротиворечивости божественной воле лежит в основании всех традиций христианского нормотворчества, на его трактовку важное влияние оказывает конфессиональная специфика понимания соотношения Священного Писания и Священного Предания.

Принцип соборности. Соборность представляет собой основу церковного устройства, предусматривающую коллегиальное принятие догматических и канонических решений по наиболее важным вопросам и предполагающую соработничество Бога и человека. Как и в случае с принципом непротиворечивости божественной воле, существуют конфессиональные различия в интерпретации принципа соборности, значимые в контексте нормотворчества.

В православной традиции авторитет канонов обеспечивается тем, что они принимаются собором епископов. При этом принципиальную важность имеет не столько форма (процедура созыва, проведения собора, объявление определений), сколько содержание деятельности собора (освящение принятых решений Святым Духом и дальнейшая их рецепция общецерковным сознанием, в том числе, последующими соборами). Например, Второй Эфесский собор 449 г. по ряду признаков формально соответствовал критериям Вселенского, но по истечении времени не был признан таковым и получил наименование «разбойничьего».

Сама Вселенская церковь в православном вероисповедании существует как совокупность равноправных поместных церквей (т.е. соборно), а любое

отпадение от католического единства воспринимается как раскол. Это положение закреплено в каноне о пентархии (Трул., 36).

В католической традиции в XV веке также были попытки подчинить церковную жизнь соборному началу. На Констанцском соборе (1414-1418 гг.) для преодоления раскола в церкви был установлен приоритет решений Вселенского Собора над решениями папы римского. Избранный на этом соборе папа Мартин V принял обязательство подчиняться соборным постановлениям. На Базельском соборе (1431-1449 гг.) права римских пап были ограничены в еще большей степени: им было запрещено менять место проведения соборов, распускать их и др.

Однако сторонники примата соборности (консилиарности) в дальнейшем потерпели политическое поражение, и современное католичество приписывает непогрешимость только папе римскому, что позволяет ему при определенных условиях единолично (без обязательного учета соборного мнения) принимать нормы, имеющие авторитет канонов и обязательные для всех членов церкви. Согласно канону 336 Кодекса канонического права 1983 г. «Коллегия епископов, главой которой является Верховный Понтифик, а членами – епископы в силу таинственного посвящения и иерархического общения с главой и членами Коллегии, в которой постоянно пребывает и собор Апостолов, тоже является (вместе со своим главой, но никогда – без своего главы) субъектом верховной и полной власти по отношению ко всей Церкви» [Кодекс, 2007: 158].

В протестантизме соборность, по мнению В.В. Зеньковского, «есть лишь некий психологический факт, для которого собственно нет никакой онтологической основы» [Зеньковский, 1927: 16], поэтому не возникает бытийственных оснований и для канонического права. Индивид имеет возможность самостоятельно определять свой правовой статус как совокупность прав, обязанностей, гарантий. При этом он либо принимает нормы светского законодательства в качестве основной регулирующей инстанции, либо участвует в нормотворчестве на уровне общины (статуарное право) с опорой на Священное Писание.

Таким образом, определяющим принцип соборности является только для православного канонического права.

Нормоприменительные принципы канонического права

Принцип неизменности. Принцип неизменности канонов характерен для православной традиции. Его содержание, так же, как и содержание принципа непротиворечивости божественной воле, опирается на признание единства Священного Писания и Священного Предания. 2-е правило Шестого Вселенского собора запрещает менять каноны: «Никому да не будет позволено вышеозначенные правила изменять, или отменять, или, кроме предложенных правил, принимать другия, с подложными надписаниями составленные некими людьми, дерзнувшими корчемствовать истиною...» (Трул., 2).

Возникает вопрос о том, является ли этот запрет категорическим, то есть относится к «букве» закона или же требует учитывать только его «дух». В

первом случае речь идет о буквальном следовании канону, которое в современных условиях либо нецелесообразно, либо невозможно. Однако, из этого нельзя сделать вывод о том, что следует отказаться от древних канонов и принять новые дисциплинарные правила, противоречащие им. Такой отказ будет отказом от Священного Предания. Именно поэтому необходимо следовать «духу» канона. Епископ Никодим Милаш пишет: «законодательная власть церкви всегда имела и будет всегда иметь право, согласно обстоятельствам, отменять старые или издавать новые распоряжения, оставаясь верной, конечно, основным принципам, выраженным в общецерковном каноне» [Правила Православной церкви, 2001: 437].

Например, Трулльский собор в отличие от Апостольских правил, которые предполагали возможность епископам иметь жен, запрещает им жить в браке. В 12-ом правиле собора делается оговорка о том, что этот запрет является изменением по «букве», а не по «духу»: «Сие же глаголем не ко отложению, или превращению Апостольскаго законоположения, но прилагая попечение о спасении и о преуспейнии людей на лучшее, и о том, да не допустим какого либо нареkania на священное звание» (Трул., 12).

Хронологический анализ общецерковных канонов показывает, что канонические правила дополнялись и уточнялись в истории церкви, но фактически никогда не отменялись. В ряде случаев Вселенские соборы отменяли каноны Поместных соборов. Так, например, Зонара в комментариях к 16-му правилу Шестого Вселенского собора пишет, что оно отменяет 15-е правило поместного Неокесарийского собора (о том, что в одном городе должно быть не более семи диаконов), поскольку оно практически никогда не исполнялось. 29-е правило Шестого Вселенского собора конкретизировало 41-е правило поместного Карфагенского собора, предписав священнослужителям всегда совершать литургию натошак.

При этом правила, которые были отменены или получили иные толкования в канонах последующих Вселенских соборов, остаются в корпусе канонического права православной церкви.

Принцип толкования. Поскольку древние каноны принимались в I тысячелетии н.э., многие понятия, используемые в них, и реалии, стоящие за ними, уже к XII веку потребовали профессионального толкования. Толкование представляет собой деятельность нормоприменителя, направленную на уточнение и углубленное понимание содержания норм.

Особенно важен принцип толкования в каноническом праве, поскольку понимание изначальной цели того или иного канона невозможно без учета культурного и исторического контекста его возникновения. Соответственно, с изменением контекста трансформируется и понимание канона: нередко для реализации замысла законодателя могут потребоваться принципиально иные средства. Именно толкования позволяют лучше понять этот замысел.

Со временем в канонических сборниках правила стали сопровождаться схолиями, объясняющими особенности их содержания и применения. Многие из подобных комментариев фактически стали частью канонического права

православной церкви. Это можно проиллюстрировать на примере 60-го правила Лаодикийского Собора, которое изначально было комментарием на 59-е правило (Лаод., 60). Особым авторитетом в православном мире пользуются толкования Аристина, Вальсамона, Зонары, Властаря, Никодима (Милаша).

Таким образом, православная церковь, сохранив древние нормы, обеспечила их применимость в различных историко-культурных условиях, используя принцип толкования.

Принцип аналогии. Общеправовой принцип аналогии применяется в каноническом праве в тех случаях, когда решение конкретных вопросов не регулируется существующими нормами. Этот принцип особенно актуален для православия, поскольку многие древние нормы, входящие в действующий канонический корпус, не применяются к современным условиям жизни.

Обычно выделяют два типа аналогии: аналогия закона и аналогия права. Применительно к каноническому праву аналогия закона предполагает, что, если нет нормы, регламентирующей соответствующие отношения, необходимо использовать норму, применимую к сходным отношениям. Так, например, в эпоху создания канонического права не было конфессионального разделения, поэтому в настоящее время при выборе чина присоединения католиков или протестантов к православной церкви используется аналогия закона. 95-е правило Трулльского собора установило три чина присоединения еретиков (ариан, павлиан, несториан и т.д.) (Трул., 95) к православной церкви. По аналогии с этим правилом католики принимаются через покаяние, протестанты – через миропомазание, представители различных сект – через перекрещивание.

Другим примером может служить 15-е правило Халкидонского собора, предписывающее возможность поставления в диакониссы женщин не моложе 40 лет (Халк., 15). Протоиерей В. Цыпин считает, что, хотя диаконисс в современной церкви нет, этот канон можно использовать для установления возраста назначения игумений в монастырях [Цыпин, 2009: 617].

В случае отсутствия норм, регулирующих схожие отношения, используется аналогия права. Она предполагает необходимость руководствоваться «духом» канонического права, то есть системой общих принципов, заложенных в его основание. Так, например, Русская православная церковь при решении вопросов об искусственном оплодотворении считает допустимым искусственное оплодотворение половыми клетками мужа (Основы социальной концепции РПЦ). Такое решение опирается не на близкий по содержанию канон (аналогия закона), а на принцип целостности брачного союза (аналогия права).

Для канонического права католической церкви принцип аналогии не имеет настолько существенного значения, поскольку нормы регулярно обновляются, отражая изменяющуюся действительность.

Принцип пропорциональности. Принцип аналогии тесно связан с принципом пропорциональности, который позволяет определить наказание, соответствующее тяжести совершенного проступка, опираясь на соотношение санкций, предусмотренных в древних канонах. Например, сегодня редко

используются каноны, устанавливающие длительные сроки отлучения от церкви, но сами эти сроки свидетельствуют о сравнительной тяжести совершенных грехов (убийство, аборт, прелюбодеяние и т.д.).

В комментарии Зонары к 54-му правилу свт. Василия Великого говорится о том, что при определении тяжести епитимии за убийство следует учитывать конкретные обстоятельства его совершения («по способу и причине убийства») и качество покаяния (Правила Святых Апостол, 2000, 321). Так, в 56-ом правиле свт. Василия Великого за преднамеренное убийство предусмотрен срок наказания – 20 лет, а в 57-ом за непреднамеренное убийство – 10 лет (Василия Вел., 56). Хотя современный церковный правоприменитель, как правило, не назначает такие длительные сроки епитимии, однако он должен учитывать тот факт, что наказание за преднамеренное убийство превышает в два раза наказание за непреднамеренное.

В некоторых правилах указываются не конкретные сроки, а именно соотношение между санкциями, пропорциональное тяжести канонического нарушения. Так, 4-е правило свт. Григория Нисского устанавливает разные сроки наказания за разные виды грехов: «А преступление закона, совершающееся через прелюбодеяние или прочие виды разврата, как сказано выше, пусть во всем вращается тем же наказанием, что и преступление блуда, но по времени вдвое больше» (Григория Нисск., 4).

Несмотря на то, что сегодня сложно обосновать целесообразность жестких канонических санкций, древние правила могут служить руководством для правоприменителя при определении тяжести и длительности наказания.

Принцип икономии. Под принципом икономии (греч. «домостроительство») понимается отступление от «буквы» канона при решении конкретного вопроса, как правило, предполагающее снисхождение к человеку и применяемое в целях его спасения. В нормоприменительном контексте икономия чаще всего проявляется в смягчении наказания или в отказе от следования канону. Икономия предполагает временное исключение из правила применительно к конкретному событию, но не отменяет само правило.

Принцип икономии является неотъемлемой частью системы канонического права и инкорпорирован в некоторые канонические нормы. Так, 12-ое правило Первого Вселенского собора гласит, что для христиан, отступивших от веры ради возвращения воинских должностей, предполагается тринадцатилетнее покаяние. Однако, епископу «надлежит приимати в разсуждение расположение, и образ покаяния... и человеколюбнее нечто о них устроить» (I Всел., 12), то есть учитывать особенности конкретной ситуации и личности кающегося для смягчения наказания.

Согласно 4-ому правилу свт. Григория Нисского важно принимать во внимание искренность раскаяния человека: «Для проходящих же покаяние ревностнее, и житием своим показующих возвращение ко благу, позволительно устрающему полезное в церковном домостроительстве сократить время слушания и скорее приводить оных к обращению; подобно сократить время и сего, и скорее допустить до приобщения, сообразно с тем, как

он собственным испытанием познает состояние врачуемого» (Григория Нисск., 4). Похожий подход заложен в 29-ом, 37-ом, 102-ом правила Шестого Вселенского собора, 1-ом правиле Василия Великого, 1-ом правиле Григория Нисского и другие.

В современном церковном нормотворчестве принцип икономии часто используется в тех случаях, когда древних канонов недостаточно для регулирования конфликтных ситуаций. Так, в документе «О канонических аспектах церковного брака» перечисляется 11 оснований для признания церковного брака утратившим каноническую силу (О канонических аспектах), в то время как в древних канонах содержится только одно такое основание – прелюбодеяние. А в «Основах социальной концепции РПЦ» рекомендуется не отлучать от евхаристического общения женщину, совершившую аборт в ситуации, когда существует угроза ее жизни, вопреки требованиям 2-го правила свт. Василия Великого. В этом смысле принцип икономии имеет не только нормоприменительное, но и нормотворческое значение.

Принцип икономии имеет определенные ограничения, которые обусловлены целями канонического правоприменения. Главная цель православного канонического права заключается в спасении верующих, поэтому ради этой цели возможно отказаться от «буквы» канона. Однако излишнее снисхождение может привести к противоположному результату. В тех случаях, когда речь идет о догматических основаниях канонического права, принцип икономии не применяется.

Принцип акривии. Акривия (греч. «строгость», «точность») представляет собой принцип нормоприменения, опирающийся на необходимость строгого следования «букве» канона. В некоторых случаях для спасения человека снисхождение губительно, необходима строгость. Выбор икономии или акривии находится в компетенции нормоприменителя и зависит от ряда факторов, в числе которых специфика греховного деяния, особенности личности, степень раскаяния человека и др.

Многие древние каноны вполне могут применяться в современных условиях в буквальном прочтении. Например, это каноны, которые регламентируют порядок поставления в священнослужители. 1-е Апостольское правило гласит: «Епископа да поставляют два или три епископа» (Ап., 1). В современной ситуации нет никаких оснований для отступления от этого правила.

В 1-ом правиле свт. Василия Великого сказано, что существуют ситуации, когда необходимо «покоряться правилам с точностью» (Васил., 1) (речь идет о чинах приема еретиков и раскольников в православие). Как правило, акривия необходима там, где речь идет о догматических вопросах.

В православии применение канонов часто сравнивается с лечением. Так, например, в 1-ом правиле свт. Григория Нисского сказано: «Ибо как в телесном врачевании цель врачевного искусства есть единая, возвращение здравия болящему, а образ врачевания различен, ...так и в душевных болезнях, по множеству и разнообразию страстей, необходимым делается многообразное целебное попечение, которое соответственно недугу производит врачевание»

(Григория Нисск., 1). В некоторых случаях ради спасения больного следует отказаться от приема лекарств, а в некоторых, напротив, применить радикальное хирургическое вмешательство, болезненное, но необходимое.

Примером применения принципа акривии является запрет на второбрачие священнослужителей (Ап. 17 и 18; Василия Вел. 12; Неокес. 1;1 Тим 3. 2; Трул. 3, 6; Анкр. 10 и другие).

Таким образом, принципы икономии и акривии дополняют друг друга и создают пространство выбора для церковного нормоприменителя, предоставляя ему необходимую свободу в принятии решений в каждой конкретной ситуации. При этом основным критерием выбора того или иного принципа является достижение цели спасения человека.

Принцип разделенной ответственности. Правонименитель, принимая решения о применении канона и назначении санкций, в каждом конкретном случае берет на себя часть ответственности, делая выбор между следованием по пути икономии либо акривии. Проявляя снисхождение, он должен быть уверен, что это послужит спасению, а не поводом к злоупотреблению. В этом контексте показательной представляется ситуация с рукоположением бывшего настоятеля Среднеуральского женского монастыря Сергия (Романова), ранее осужденного за убийство. Согласно требованиям канонического права убийца не может быть священнослужителем (Григория Нисск., 5), и хиротония над ним была совершена в нарушение канонов. Позже из-за радикальных действий и высказываний Сергий (Романов) был лишен сана, отлучен от церкви и привлечен к уголовной ответственности. Таким образом, одно каноническое нарушение повлекло за собой другие. Согласно принципу разделенной ответственности, вина за это должна возлагаться и на тех, кто принимал решение о рукоположении.

С одной стороны, следуя «букве» канона и назначая жесткие санкции, нормоприменитель может способствовать уходу человека из церкви и отдалению его от спасения. Так, Священный Синод РПЦ отметил, что вопреки официальной позиции церкви, признающей гражданский брак (зарегистрированный только органами ЗАГС), «некоторые пастыри-духовники не допускают к причастию лиц, живущих в “невенчанном” браке, отождествляя таковой брак с блудом» (Основы социальной концепции РПЦ). В подобных ситуациях ответственность за последствия принимаемых решений, касающихся спасения мирян, лежит на священнослужителях.

С другой стороны, трактуя принцип икономии слишком широко, нормоприменитель берет на себя ответственность за все возможные последствия своей снисходительности. И. Мейендорф писал, что «в некоторых случаях икономия, т. е. забота о человеческом спасении, действительно требует действий, противоречащих букве закона; но бывают и такие случаи, когда забота о человеческом спасении требует абсолютной строгости (даже превышающей букву закона)» [Мейендорф].

Важно понимать, что во всех случаях церковный нормоприменитель, включая систему церковных судов, несет ответственность за последствия

принимаемого им решения: и в тех случаях, когда он следует «букве» закона, и когда отступает от нее.

Заключение

Системное изучение принципов канонического права до настоящего времени находится на периферии исследований. Тем не менее, для православной традиции систематизация принципов канонического права имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Именно в системе принципов наглядно воплощен тот «дух» канонического права, которым должен руководствоваться правоприменитель для успешного урегулирования конфликтных ситуаций в отсутствие конкретных норм в каноническом корпусе.

Предложенный нами подход к систематизации принципов канонического права позволяет выделить общеправовые принципы (справедливости, законности), дополняющие их религиозно-нравственные принципы (милосердие, ответственность человека перед Богом), и более специфические нормотворческие (соборность, непротиворечивость божественной воле) и нормоприменительные принципы (неизменности, аналогии, толкования, икономии, акривии, пропорциональности). Такой подход открыт для дискуссий, а сама система принципов – для дополнения и расширения. Кроме того, могут быть предложены другие основания для систематизации, которые предложат новое теоретическое видение взаимосвязи принципов канонического права. Так, альтернативой теоретическому рассмотрению принципов канонического права может быть их эмпирический анализ, реализуемый с опорой на реальную практику церковных судов.

Список литературы (References)

1. Величко А.М. Церковный канон и «божественное право» (jus divinum) // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9. № 1. С. 17-28. DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-2.

Velichko A.M. (2022) Tserkovnyy kanon i «bozhestvennoe pravo» (jus divinum) (Church Canon and Divine Law (Jus Divinum)). *Bulletin of the Law Faculty of the Southern Federal University*. Vol. 9. No. 1. P. 17-28. DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-2. (In Russ.).

2. Гайденко П.И. «Митрополичья неправда» двух Константинов: можно ли ожидать справедливости от церковных судов на Руси? // Христианское чтение. 2022. № 2. С. 149-160. DOI 10.47132/1814-5574_2022_2_148.

Gaidenko P.I. (2022) «Mitropolich'ya nepravda» dvukh Konstantinov: možhno li ozhidat' spravedlivosti ot tserkovnykh sudov na Rusi? (The "Metropolitan Untruth" of two Constantines: Is It Possible to Expect Justice from Church Courts in Russia?). *Christian Reading*. No. 2. P. 149-160. DOI 10.47132/1814-5574_2022_2_148. (In Russ.).

3. Герасим (Дьячков), игум. Строгость и снисходительность в деле пастырского окормления // Праксис. 2020. № 2 (4). С. 73-86. DOI: 10.31802/PRAxis.2020.4.2.005.

Gerasim (Dyachkov S. V.), hegumen (2020) Strogost' i sniskhoditel'nost' v dele pastyrskogo okormleniya (Severity and Condescension in Pastoral Care). *Praxis*. No. 2(4). P. 73-86. DOI: 10.31802/PRAxis.2020.4.2.005. (In Russ.).

4. Давыденков О., свящ. Догматическое богословие. М.: Изд-во ПСТГУ, 2017.

Davydenkov O., priest (2017). Dogmatic theology. Moscow: PSTGU Publ. (In Russ.).

5. Зеньковский В.В. Свобода и соборность // Путь. 1927. № 7. С. 3-22.
Zenkovsky V.V. (1927) Svoboda i sobornost' (Freedom and conciliarity). *Put'*. No. 7. P. 3-22. (In Russ.).

6. Карташов В.Н. Принципы права: понятие, структуры, функции // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 158-166.

Kartashov V.N. (2020) Printsipy prava: ponyatie, struktury, funktsii (Principles of law: concept, structures, functions). *Juridical Techniques*. No. 14. P. 158-166. (In Russ.).

7. Кодекс канонического права. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2007.

Code of Canon Law (2007). Moscow: Institute of Philosophy, Theology and History of St. Thomas Publ. (In Russ.).

8. Кулага В.В. Соборность Церкви и каноническая традиция // ХРОНОС. Церковно-исторический альманах. 2018. № 6. С. 9-43.

Kulaga V.V., priest (2018) Sobornost' Tserkvi i kanonicheskaya traditsiya (The conciliarity of the Church and canonical tradition). *ХРОНОС*. No. 6. P. 9-43. (In Russ.).

9. Лосский В.Н. Предание и предания // Лосский В.Н. Боговидение. М.: АСТ, 2006. С. 671-698.

Lossky V.N. (2006) Tradition and Traditions. In: Lossky V.N. The vision of God. Moscow: AST Publ. (In Russ.). P. 671-698.

10. Мейендорф И., свящ. Живое Предание: Свидетельство Православия в современном мире. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Joann_Mejendorf/zhivoe-predanie-svidetelstvo-pravoslavija-v-sovremennom-mire/7 (дата обращения: 12.01.2023).

Meyendorff I., priest. Living Tradition: The Witness of Orthodoxy in the Modern World. 1. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Joann_Mejendorf/zhivoe-predanie-svidetelstvo-pravoslavija-v-sovremennom-mire/7 (accessed 12.01.2023). (In Russ.).

11. О канонических аспектах церковного брака. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5075384.html> (дата обращения 12.03.2023)

About the canonical aspects of church marriage. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5075384.html> (accessed 12.01.2023). (In Russ.).

12. Оспенников Ю.В. Актуальные проблемы изучения церковного права (промежуточные итоги работы Барсовского общества) // Христианское чтение. 2023. № 1. С. 180-198. DOI 10.47132/1814-5574_2023_1_180 EDN UYAPHP.

Ospennikov Y.V. (2023) Aktual'nye problemy izucheniya tserkovnogo prava

(promezhutochnye itogi raboty Barsovskogo obshchestva) (Relevant Problems of Studying Church Law (Intermediate Results of the Work of the Barsov Society). *Christian Reading*. No. 1. P. 180-198. (In Russ.).

13. Павлов А.С. Курс церковного права. М.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1902.

Pavlov A.S. (1902) *The Course of Church Law*. Moscow: The Holy Trinity-St. Sergius Lavra Publ. (In Russ.).

14. Пашков Д., священник. Икономия как принцип церковного права // Журнал Московской Патриархии. 2011. № 8. С. 34-40.

Pashkov D., priest (2011) *Ikonomiya kak printsip tserkovnogo prava (Oikonomia as a principle of church law)*. *The Journal of the Moscow Patriarchate*. No. 8. P. 34-40. (In Russ.).

15. Правила Православной церкви с истолкованиями Никодима Епископа Далматинско-Истрийского. В 2-х т. Т. 1. М.: Отчий дом, 2001.

Rules of the Orthodox Church with interpretations by Nicodim, Bishop of Dalmatia and Istria (2001) In 2 volumes. Vol. 1. Moscow: Father's House Publ. (In Russ.).

16. Правила Святых Апостол и Святых Отец с толкованиями. М.: Паломник, 2000.

The Rules of the Holy Apostles and Holy Fathers with interpretations (2000). Moscow: Pilgrim Publ. (In Russ.).

17. Правила Святых Вселенских соборов с толкованиями. М.: Паломник, 2000.

The Rules of the Holy Ecumenical Councils with interpretations (2000). Moscow: Pilgrim Publ. (In Russ.).

18. Правила Святых Поместных соборов с толкованиями. М.: Паломник, 2000.

The Rules of the Holy Local Councils with interpretations (2000). Moscow: Pilgrim Publ. (In Russ.).

19. Тарнакин Н.А. Церковный суд и суд светский: общее и различное в принципах // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2019. №1 (3). С. 159-166. DOI: 10.24411/2587-8425-2019-10008

Tarnakin N.A. (2019) *Tserkovnyy sud i sud svetskiy: obshchee i razlichnoe v printsipakh (Church Court and Secular Court: General and Different in Principles)*. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*. No. 1(3). P. 159-166. DOI: 10.24411/2587-8425-2019-10008. (In Russ.).

20. Цыпин В., прот. Каноническое право. М.: Изд-во Сретенского монастыря. 2009.

Tsyplin V., prot. (2009) *Canon law*. Moscow: Sretensky Monastery Publ. (In Russ.).

21. Doe N. (1999) The Principles of Canon Law: A Focus of Legal Unity in Anglican-Roman Catholic Relations. *Ecclesiastical Law Journal*. Vol. 5. Issue 25. P. 221-240. DOI:10.1017/S0956618X00003586.

Сведения об авторах

Сычев Андрей Анатольевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Национального исследовательского Мордовского государственного университета.

E-mail: sychevaa@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3757-4457

Коваль Екатерина Александровна – доктор философских наук, профессор кафедры уголовного права и процесса Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), ведущий научный сотрудник Института корпоративного обучения и непрерывного образования Национального исследовательского Мордовского государственного университета.

E-mail: nwifesc@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0069-5335>

Жадунова Наталья Владимировна – кандидат философских наук, директор института корпоративного обучения и непрерывного образования Национального исследовательского Мордовского государственного университета.

E-mail: zhadunovan@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9058-0488

About the authors

Sychev Andrey Anatolievich – Doctor of Philosophical Sciences, professor, professor of the philosophy department of National Research Mordovia State University.

E-mail: sychevaa@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3757-4457

Koval Ekaterina Alexandrovna – Doctor of Philosophical Sciences, professor of the Department of Criminal Law and Procedure of Middle-Volga Institute (branch) of Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), leading researcher of the Institute for Corporate Education and Continuing Education of National Research Mordovia State University.

E-mail: nwifesc@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0069-5335>

Zhadunova Natalia Vladimirovna – Candidate of Philosophical Sciences, Director of the Institute for Corporate Education and Continuing Education of National Research Mordovia State University.

E-mail: zhadunovan@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9058-0488

Поступила 25.09.2023; одобрена после рецензирования 21.12.2023; принята к публикации 29.12.2023.